

“All That Is Solid Melts into Air”: академическое чтение

В этом выпуске о своих любимых художественных и научных произведениях, а также о книгах, полезных в преподавании, рассказывают [Елена Островская](#) и [Валерий Шульгинов](#).

Художественная книга

[Елена Островская](#),
доцент департамента истории и теории
литературы факультета гуманитарных наук

Оговоримся сначала, что такой выбор – чистая условность, поскольку любимых книг всегда ощутимо больше, чем одна. Но если уж выбирать, для меня такой книгой оказалась *To Kill a Mockingbird* – «Убить пересмешника» Харпер Ли, поскольку это была одна из первых книг, прочитанных мною на английском. С ней я открыла для себя ту скорость, тот темп, с которым хорошо, правильно, естественно вообще читать книгу. Поскольку мой английский был не очень хорош, я продвигалась очень медленно, но при этом удивительным образом отмечала колебания стиля и тому подобные вещи, улавливаемые филологическим взглядом.

После этого я еще много лет обсуждала эту книгу на занятиях по английскому со своими студентами. И в какой-то момент я стала ощущать эту повесть как некий идеальный баланс текста и того, что стоит за текстом. С одной стороны, сюжет повести до сих пор актуален и задевает за живое. С другой, когда знаешь, что реальные события, послужившие прототипом сюжета, были менее драматичны, и на саму историю уже смотришь по-другому. Подозреваю также, что с годами я стала более толстокожим читателем, чем

была когда-то. Однако каждый раз эта повесть задевает меня ровно в тех местах, где и предполагалось автором, и на которые, скорее всего, будет реагировать неподготовленный или наивный читатель. До конца я так и не поняла, как это сделано.

В какой-то момент я случайно оказалась на встрече студентов РГГУ с дамой, сыгравшей роль Скаут (Глазастика) в знаменитом фильме с Грегори Пеком. Она не стала после этого профессиональной актрисой, и поэтому ее история воспринималась как некое наложение реальности и художественной действительности. Возможно, это тоже внесло свою лепту в мое восприятие книги как своего рода амальгамы, каждый пласт которой для меня по-своему актуален.

Вы упомянули места, зацепившие вас в этой книге. Вы пытались отрефлексировать те приемы, которые так воздействуют на читателя?

Да приемы-то совершенно хрестоматийные. С одной стороны, имеется почти детективная сюжетная канва. Человека обвиняют в том, чего он не только не делал, но и заведомо сделать не мог, исходя из общей характеристики персонажа и логики свидетельских показаний. И этот сам по себе занимательный сюжет еще встроен автором в ностальгическую историю о детстве, изящно воссозданную глазами одновременно маленькой девочки и повзрослевшего автора.

Там есть трогательный момент, где отец говорит девочке, что нужно всегда пытаться поставить себя на место другого человека. Это звучит банально и морализаторски, но в конкретной ситуации в книге эти общие слова приобретают конкретное содержание. И я каждый раз ощущаю их магию, хотя, казалось бы, отлично знаю, как это работает.

Наконец, есть еще волнующий эпизод, когда один человек выступает против целой разъяренной толпы, и единственное, что он может в этой ситуации сделать, – это попытаться воздействовать на эту толпу словом. И вдруг оказывается, что слово способно остановить зло. И это переживается как чудо, потому что в действительности, как правило, такого не происходит.

Кому бы вы порекомендовали эту книгу, какому типу читателей?

Повесть Харпер Ли традиционно входит в круг детского чтения, и вполне справедливо, особенно если иметь в виду перевод Норы Галь, в котором ее обычно читают по-русски. Но я думаю, что эта книга пригодна для любого читателя. Казалось бы, уже не так

остро ощущается сегодня расистская проблематика, в значительной степени отрефлексированная обществом и обсуждаемая совсем не на том уровне, как это предполагала Харпер Ли. Но мне кажется, что эта книга интересна даже как реконструкция взгляда оттуда, из пятидесятих.

Валерий Шульгинов,
научный сотрудник Научно-учебной
лаборатории лингвистической конфликтологии
и современных коммуникативных практик
факультета гуманитарных наук

Наверное, на каждом жизненном этапе это была отдельная книга. В школьные годы меня впечатлили свободой выражения мыслей и какой-то бытовой магией «Над пропастью во ржи» Сэлинджера и «Мастер и Маргарита» Булгакова. В университете я познакомился с прозрачным стилем Фицджеральда («Ночь нежна»), Грэма Грина («Тихий американец»). В конце концов, живя во Владивостоке, невозможно пройти мимо романов многочисленных Мураками (Харуки, Рю): каждая книга по-своему повлияла на мое восприятие мира.

Но сейчас, наверное, любимой книжкой является последний роман Бориса Стругацкого «Бессильные мира сего». Братья Стругацкие – главные сказочники страны, которые последовательно проводили идею трансформации человечества в новую форму жизни, выхода на новый эволюционный этап, что неизбежно привело бы к расколу не только в обществе, но и в каждой отдельной семье (вспомните, как мокрецы уходили из семей в романе «Хромая судьба»).

Мне кажется, в современном мире таким мостиком, который переводит людей в странное будущее, становится наука. Все вокруг становится наукоемким, на том берегу остаются бизнес, политика и даже искусство, не связанные с научными метриками. Они просто не выдерживают конкуренции.

Впрочем, роман «Бессильные мира сего» пропитан горечью разочарования в этом новом мире. В нем говорится о том, что даже люди новой формации могут бояться, убегать от своей судьбы и в итоге потерять этот мир. Мне кажется, очень важно сохранять в себе чувство того, что, как бы ты ни был талантлив и трудолюбив, ты всегда можешь остановиться и стать бессильным этого мира.

Академическая книга

Елена Островская

В начале моей творческой биографии я занималась творчеством Иннокентия Анненского и его связями с французской поэзией. Формально моим научным руководителем был Александр Илюшин, который решительно отказывался интересоваться моими научными проблемами, так что какое-то время я существовала совершенно самостоятельно. Пришла пора писать диплом, и стало понятно, что без постороннего влияния я не справлюсь. Как раз в это время, в конце восьмидесятых – начале девяностых, вышла серия препринтов под названием «Анненский и Ахматова. Заметки к теме». Семь маленьких тонких книжечек, изданных в Новосибирске, поскольку их автором был новосибирский лингвист Александр Евгеньевич Аникин. Насколько я понимаю, Аникин – совершенно оригинальный лингвист – в своих филологических трудах ориентировался на идеи Романа Давидовича Тименчика, одного из крупнейших исследователей русской литературы начала XX века. Но для меня там все было одинаково важным: и содержание, и то, каким языком о нем можно говорить.

И то, сколько всего еще предстоит исследовать, при том, сколько уже изучено. И своеобразная романтика момента, когда из огромного каталога Ленинки можно извлечь какие-то странные, абсурдно тонкие брошюры, за которыми вдруг открывается целый мир. (В 2011 году на основе препринтов, которых к тому моменту было уже восемь, вышла целая и цельная книга «Иннокентий Анненский и его отражения».)

Можете привести конкретный пример того, что произвело на вас впечатление?

Несколько препринтов объединяла тема Анаксагора. В них рассматривалось обращение Анненского к Анаксагору и его категории «нус» (которую я уже знала из философии, но решительно никак не проецировала в область филологии), а затем реминисценции этого у Ахматовой. Дальше реконструировалась последовательность влияния от Анненского к Ахматовой, что само по себе традиционно, – любопытными были именно интертекстуальные отсылки к разным пластам мировой культуры. Известно, что Анненский как филолог-классик в значительной степени ориентировался на древнегреческих авторов. Но тогда идея, что в его текстах о французской литературе и переводах из французской поэзии может просвечивать какой-то древнегреческий текст, показалась мне очень свежей. Сегодня методология этих текстов стала уже классикой для литературоведа, а тогда она явилась для меня открытием.

Валерий Шульгинов

Первая научная/учебная книга в университете, которую я прочитал от корки до корки, называлась «Русская фонетика» Михаила Викторовича Панова. Она написана в блестящем лаконичном стиле: я проглотил ее так же, как, например, романы Владимира Набокова. После этого легко получил «отлично» на экзамене по фонетике. Во многом она определила и мой дальнейший научный путь: после окончания учебы я начал вести предмет под названием «Описание русского языка как иностранного: фонетика» и даже снял свой онлайн по мотивам.

Кстати, Михаил Викторович Панов был не только первоклассным ученым, но еще и отличным поэтом. У меня дома лежит маленькая книга его стихов, среди которых запомнилось одно (я процитирую, может быть, не совсем точно):

Из земли лезут живые кружева,

Это папоротники

Вылезают, оглядываются:

«Кажется, здесь никого?»

А над ними, высоко-высоко,

Висит большое заячье облако.

По-моему, звучит оно очень мелодично. Мне кажется, главный урок можно вынести такой: о сложных вещах можно писать не только просто, но и красиво.

Книги и студенты

Елена Островская

Поскольку я уже предложила в качестве основного двигателя сюжета некий биографический код, его и продолжу. Книга, о которой пойдет речь, совершенно не самоочевидная для моей области. И я не уверена, что именно ее я разбираю больше и чаще других, но она, безусловно, украсила не один мой курс. Я имею в виду книгу американского урбаниста Маршалла Бермана *All That Is Solid Melts into Air*. Она не переведена на русский. Ее название – это цитата из Маркса, которая в русском переводе несколько теряет в метафоричности. Обычно у нас ее переводят так: «Всё, что твёрдо, тает в воздухе». Это не самоочевидная для меня книга, поскольку формально никакой урбанистики я не преподаю. Самое большее мое приближение к этой теме – курс поэтики урбанизма в европейском модернизме. Но в Бермане меня совершенно заворожил как раз [меж]дисциплинарный подход. Он говорит о модернизации современной культуры на материале очень разноплановых текстов, начиная с литературы рубежа XIX–XX веков и заканчивая архитектурой. При этом он сплавляет социологический марксистский подход с анализом текста, просто поражая возможностями того, что еще, оказывается, можно извлечь из текста. У меня за спиной была классическая филологическая школа, где, условно говоря, стихотворение всегда начинают анализировать с размера. Здесь же я увидела совершенно другой подход к тексту, который, может быть, не позволяет увидеть текст во всей его глубине, но предлагает как-то по-новому использовать те аналитические инструменты, которыми мы владеем, что позволяет получать неожиданные, недоступные ранее результаты.

Можете привести пример того, как вы в рамках филологического курса разбираете со студентами текст Бермана?

Сейчас я обращаюсь к нему в рамках курса по модернизму и постмодернизму в литературе, в частности при обсуждении «Петербурга» Андрея Белого. Магистры-филологи в большинстве своем уже имеют опыт обсуждения этого романа в курсе истории литературы XX века, как бы последний ни назывался. Это означает знакомство с довольно внушительным списком теоретической литературы, которая, разумеется, соответствует традиции русской филологии. И мы обращаемся к книге Бермана за новым взглядом, чтобы увидеть, что еще можно делать с текстом. А он, как марксист, сравнивает Невский проспект у Гоголя и Достоевского и парижские османовские бульвары у Бодлера с точки зрения модернизационных процессов, происходящих в разных типах буржуазного общества, а потом обращается к пристальному чтению текста, чтобы найти в нем интерпретацию модернизма: от «ощущения бездны» – формулировки, вкладываемой Белым в уста Дудкина, Берман переходит к размышлению о модернизме как таковом. Для нас же со студентами это возможность вернуться к привычному филологическому анализу и задуматься о смысле концептуальной рамки: как меняется наше восприятие романа и его автора, когда мы помещаем «Петербург» в контекст модернистских романов? Что меняется терминологически? Что меняется концептуально? Насколько мы готовы следовать за Берманом в его интерпретации отрывка из Белого и текста как модернистского?

Валерий Шульгинов

Так как в последние годы я веду информационные технологии в филологии/лингвистике, да и вообще выступаю за то, чтобы представители гуманитарных направлений активно использовали современные технологии (автоматический анализ больших данных, визуализации), то я рекомендую учебник Михаила Копотева «Введение в корпусную лингвистику». Это лучшая книга для вхождения в тему, прочитав которую и (главное!) выполнив все задания вы сможете вполне уверенно мастерить собственные языковые корпуса.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев.

Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677. Дата выпуска: 23.12.2019.

Подписаться на рассылку можно здесь: <http://okna.hse.ru/subscribe>